

Почему мы возвращаемся к институтам?

Виталий Куренной

Профессор, Школа философии и культурологии; руководитель, лаборатория исследований культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: vkurennoj@hse.ru.

Ключевые слова: институциональная теория; организационный институционализм; эмансипаторная функция историографии; новые онтологии; новый сентиментализм; общество сингулярностей; природа и культура.

В статье рассматриваются современные философско-теоретические тенденции, которые ведут к дисперсии и фрагментации как теорий и исследовательских методологий, так и самой исследовательской предметности. В рамках этого процесса идет демонтаж базовых онтологических различий, длительное время определявших не только эпистемологические, но и культурные особенности европейского общества и науки. Эти теоретические тренды имеют свои социальные и культурные основания, связанные со стремительным усложнением современной цивилизации. В ней утрачивается определенная Максом Вебером в качестве ключевой особенности общества модерна возможность в принципе понять устройство и функционирование окружающего мира. Следствием этого, считает автор, становится «новая наивность», в которой непреодолима сложность достижения рационального понимания ведет к постулированию онтологической самостоятельности акторов, объектов и т. д., а также к восстановлению различных форм метафизики.

Одновременно с утратой рационального горизонта субъективности в современном обществе нарастает

значение эмоционального отношения к миру, который все больше предстает как универсум сингулярностей. По отношению к этим тенденциям историческая перспектива институционального подхода имеет ряд эпистемологических преимуществ. К их числу относится то, что он сохраняет преемственность по отношению к проекту современной историографии как таковой, ориентируется на явления, обладающие сравнительной длительностью и устойчивостью, позволяет продуктивным образом обсуждать проблематику социологии знания, здесь (например, в рамках организационного институционализма) разработан широкий спектр инструментов для анализа взаимодействия институтов различного масштаба и т. д. Исторический анализ институтов выполняет также важную практическую функцию: избавляет нас от наивного взгляда на мир (включая мир природы) как на некую естественную и непосредственную данность, а также позволяет нам осознать контингентность нашего исторического существования. В этом он разделяет самопонимание проекта современной историографии как эмансипаторной практики самопознания.

ЭТОТ номер журнала «Логос» готовился долго. Вошедшие в него статьи написаны на основании ряда докладов, прочитанных участниками ежегодной конференции «Институциональная история философии», посвященной памяти отечественного философа и историка философии Романа Громова (1970–2014) и проводящейся с 2015 года. Этот выпуск мы считаем нашей данью памяти о философе, который как автор и переводчик¹ внес значительный вклад в развитие философской проблематики, связанной с исследованиями Франца Brentano и его школы², а также — в своей последней статье 2014 года, опубликованной уже посмертно, — институциональной проблематики истории советской философии³. Последний крупный проект, в котором Роман участвовал, был посвящен именно институциональной истории философии⁴. Однако обращение к институциональному подходу в этом номере «Логоса» — не только дань памяти, но и актуальный исследовательский жест.

В современном философско-теоретическом ландшафте мы наблюдаем несколько примечательных процессов. На доступной сравнительно широкому кругу сцене актуальной (или, как выражались в XIX веке, «модной») философии происходит прогрессирующая фрагментация как теоретических исследовательских

1. Гуссерль Э. Интенциональные предметы // Логос. 2001. № 5–6. С. 135–164.
2. Громов Р. Brentano и Гуссерль как историки философии // Логос. 2007. № 6. С. 75–97; *Он же*. Антон Марти — философия языка брентановской школы // Логос. 2004. № 1. С. 106–137; *Он же*. Сознание и его части. Мереологическая модель исследования в психологии Ф. Brentano // Логос. 2002. № 1. С. 68–94; *Он же*. Предисловие к публикации «Интенциональных предметов» Э. Гуссерля // Логос. 2001. № 5–6. С. 132–134. Последние годы жизни Роман Громов неустанно работал над переводами и исследованиями философии Франца Brentano. Его подробным образом комментированный перевод работ Brentano опубликован под редакцией Виктора Молчанова: *Brentano Ф. О будущем философии*. Избр. тр. М.: Академический проект, 2018.
3. Громов Р. Философия как объект правового регулирования. Пути профессионализации философского образования в СССР // Логос. 2014. № 2. С. 43–64.
4. В состав этой исследовательской группы, помимо автора данного текста, входили также Анна Завалей и Максим Дёмин.

программ (трудно подобрать что-либо сколь угодно эфемерное, не ставшее предметом каким-то образом оформившихся *Studies*), так и их онтологий. Мыслители самого разного толка старательно перемалывают категориальные предметности в пыль номиналистически измельченных или спекулятивно постулируемых сущностей (в отличие от предметов Витгенштейна, которые, «кстати говоря, бесцветны»⁵, эти сущности обычно окрашены в темные оттенки⁶). Одновременно идет процесс стирания и размывания категориальных границ, образующих базовые различия европейской культуры, — между природой и культурой/обществом, человеческим и нечеловеческим, наукой и знанием и т. д.⁷, а также разворачиваются различные формы критики в адрес специфического положения европейской науки по отношению к другим типам систематизации представлений о мире. Если теоретики постмодернизма предлагали современным историкам забыть о стволе и ветвях древа истории, сосредоточившись лишь на его листьях и «исторических лоскутах»⁸, то современные продолжатели этой линии пошли дальше — от листьев к грибам и слизи⁹, откликаясь, очевидно, на ироничный вопрос, которым Парменид смутил Сократа, относительно наличия идей у «волос, грязи, сора и всякой другой не заслуживающей внимания дряни»¹⁰. Впрочем, даже если отвлечься от спекулятивных метафизик различного рода¹¹, нетрудно

5. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат (2.0232) // Филос. раб. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 7.
6. О различных вариантах «темных» онтологий см. выпуски журнала «Логос» № 4 и № 5 за 2019 год.
7. Соответственно: *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012; *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006; *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010; *Дастон Л.* История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.
8. *Ankersmit F. R.* Historiography and Postmodernism // *History and Theory*. 1989. Vol. 28. № 2. P. 149.
9. *Вудард Б.* Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь: Гиле Пресс, 2016.
10. *Платон.* Парменид (130с) // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 350–351.
11. Их расцвело такое множество, что впору открывать работу Канта «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики», чтобы напомнить о том, почему европейская философия рассталась с метафизикой: «Царство теней — рай для фантастов. Здесь они находят безграничную страну, где они могут возводить какие угодно здания, не испытывая недостатка в строительном материале, который обильно поставляется измышлениями ипохондриков, сказками нянюшек, монастырскими рассказами о чудесах» (*Кант И.* Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 204).

заметить, что, например, в современных социологических и культуросоциологических исследованиях, равно как и в исследованиях истории науки и знания, на первый план выступила такая единица, как «практика»¹², превратившая поле социальных и тем более исторических исследований в пространство, равно необозримое и подвергающееся риску прогрессирующей фрагментации. В этом процессе дисперсии исторических исследований, впрочем, нет какой-то особенной новизны. Фактически рождение современного историзма и современной историографии как раз и маркируется: 1) объявлением о «конце большого нарратива» (то есть спекулятивной истории гегелевского образца, восходящей к идее априорной истории Канта¹³); 2) санкционированием права исследователя заниматься каким угодно и сколь угодно частным предметом. Леопольд фон Ранке в своем курсе лекций «Идея универсальной истории», которые он начал в Берлинском университете при жизни Гегеля в 1831 году, а завершил уже после его смерти, объявил об этих двух пунктах современной историографии следующим недвусмысленным образом:

Если философ, рассматривая историю из своего собственного поля, видит бесконечное только в движении вперед, в развитии, в целостности (*Totalität*), то история (*Historie*) познает бесконечное в любой экзистенции, в любом состоянии, в любом существе...¹⁴

Для того чтобы сформировать настоящего историка, я считаю, необходимы два качества: прежде всего, сочувствие и радость от единичного (*Freude an dem Einzelnen*) сама по себе и в себе. <...> Если историк преисполнен симпатии к живому проявлению человека как такового, то он, не обращая никакого внимания на поступательный ход вещей, будет радоваться тому, как человек пытается жить в любой момент времени¹⁵.

Таким образом, измельчание исследовательской предметности — не новость для современной историографии, а потом оно

12. Ср.: Reckwitz A. Die Transformation der Kulturtheorien. Zur Entwicklung eines Theorieprogramms. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2000; Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУСПб, 2008; Дастон Л. История науки и история знания.

13. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23.

14. Von Ranke L. Idee der Universalhistorie // Idem. Aus Werk und Nachlass / V. von Dotterweich, W. P. Fuchs (Hg.). München; Wien: R. Oldenbourg, 1975. Bd. IV. S. 77.

15. Ibid. S. 88.

было воспроизведено и в более молодых социальных научных дисциплинах. Однако классические историографы модерна при этом были, так сказать, эпистемологическими оптимистами, не опасавшимися фрагментации своей дисциплины¹⁶ и способными к написанию комплексных исследований, которые остаются актуальными до сих пор¹⁷. Причина этого процесса производства новых онтологий и стирания границ, уравнивающего всевозможные сущности, на мой взгляд, не только в продиктованном эпистемологическими и экономическими императивами модерна стремлении к новизне и продуктивному разрушению любых прежних определенностей, которое и является подлинным двигателем рыночной экономики. В общем виде новые онтологические и теоретические программы идут навстречу определенным особенностям современного общества и индивида. Последний сегодня в таком положении, которое стимулирует у него развитие определенного умонастроения — его можно определить как *новую наивность*.

Наиболее емко эту новую ситуацию выражает удивительное по своей обезоруживающей искренности высказывание автора одной из таких новых онтологий — Тимоти Мортон:

В течение долгого времени мы полагали, будто *U*-образный изгиб гидрозатвора в туалете — это удобное искривление онтологического пространства, уносящее все то, что мы в него спускаем, в абсолютно другое измерение, называемое «Прочь» (*Away*), и оставляющее чистыми вещи, [которые находятся] здесь. Сегодня мы знаем больше: вместо мифической страны Прочь отходы отправляются в Тихий океан или в канализационные очистные сооружения. Знание о гиперобъектах «Земля» и «биосфера» ставит нас лицом к лицу с вязкими поверхностями, которые не могут быть принудительно очищены¹⁸.

Эта фраза профессора английской литературы из техасского Университета Райса предъявляет нам, как сказал бы феноменолог, то базовое онтологическое переживание, которое современный человек испытывает в своем опыте мира. Это опыт субъекта мо-

16. Ср.: Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 180.

17. Из классиков немецкой исторической школы в России, например, регулярно переиздается «История эллинизма» Иоганна Густава Дройзена (ср.: Дройзен И. Г. История эллинизма. История Александра Великого. М.; Киров: Академический Проект; Константа, 2011).

18. Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019. С. 46.

дерна, обнаруживающего себя в пространстве, ставшем настолько сложным, что реакцией на него может быть лишь обезоруживающая наивность человека, с изумлением способного открыть для себя существование канализационной инфраструктуры, находящейся за пределами «U-образного изгиба гидрозатвора в туалете».

В этой перспективе новой наивности окружающие нас вещи, девайсы, человеческие и нечеловеческие субъекты предстают как некие констелляции, ассамбляжи, которые неизвестно откуда берутся и неизвестно куда затем деваются, но в любом случае ведут какую-то независимую от человека жизнь. Так возникают *онтологии торгового центра*. Мысленные эксперименты классиков, избретавших новоевропейские онтологии, занимало поведение стола после того, как его перестает воспринимать познающий субъект. Современные онтологии возникают скорее как результат попытки представить себе поведение вещей в закрытом на ночь торговом комплексе, который заполняют продукты питания, непонятно откуда там взявшиеся со всех концов мира и непонятно как утилизируемые после истечения срока годности, работающие от самых разных источников питания камеры наблюдения, кондиционеры и кофе-машины, продолжающие ночью свою подмигивающую светодиодами жизнь, — множество девайсов, устройство которых находится за пределами всякого для нас понимания, упаковок и материалов, которые, как мы с ужасом узнаем, оказываются затем где-то в Тихом океане. Современный теоретизирующий субъект склонен к тому, чтобы обнулить эту сложность генезиса и динамики окружающего мира путем приведения его в состояние некоторой независимой от человеческого сознания и действия данности онтологических сущностей, живущих какой-то своей собственной жизнью, полностью отличной от нашей или, напротив, весьма схожей с ней.

Известно фундаментальное наблюдение Макса Вебера о том, что современный человек намного хуже представляет себе устройство окружающего его мира, чем «какой-нибудь индеец или готтентот». Он, однако, полагал, что эта сложность не препятствует тому, чтобы рациональный субъект мог, обратившись к соответствующим источникам знания, разобраться с устройством любого элемента этого мира¹⁹. Похоже, мы перешли в качественно

19. «Следовательно, возрастающая интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать. Они означают нечто иное: люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать; что, следо-

иное состояние цивилизации. Даже наиболее рядовые вещи нашего подручного обихода, такие как мобильный телефон, представляют собой техническое устройство такого уровня сложности, что все детали его функционирования не способен понять уже ни один индивид. Мы оказались в ситуации безнадежной утраты горизонта возможности рационального понимания окружающего мира. Причем не только в вопросах онтологий, но и в горизонте понимания политического и социального устройства мира: его отсутствие редуцирует способность современного субъекта к осмысленному общественно-политическому действию²⁰. Результатом этого является не только ощущение политической беспомощности, ренессанс марксистской проблематики отчуждения в форме недовольства «бредовой работой»²¹ или радикальное упрощение политической картины мира, достигаемое различными путями. Современный субъект стремительным образом *сентиментализируется*, о чем свидетельствуют повсеместные проявления новой эмоциональности, захватывающей все области современной жизни — от «новой этики» до проблемы потребления и структуры социального действия в эпоху «общества впечатлений»²². Новый эстетически и морально чувствительный субъект, общающийся с девственными универсумами новых онтологий, склонен не мыслить, а переживать их.

вательно, принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета. Последнее, в свою очередь, означает, что мир расколдован» (*Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 713–714).

20. Наталья Полякова и Юрий Кимелев рассматривают данную проблему в терминах взаимоотношения «субъектности», понимаемой как способности индивида к активному публичному и социально значимому действию, и «субъективности», понимаемой как приватная сторона жизни. Основной их тезис в отношении современных тенденций состоит в том, что «исторический процесс в обществах модерна можно рассматривать как движение от субъектности, высшим проявлением которой является публичное социально-историческое действие, к ограничению возможностей подобного действия и к определенному „замыканию“ субъекта в рамках сугубо приватного стиля жизни» (*Кимелев Ю., Полякова Н.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: Праксис, 2017. С. 10).
21. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
22. Ср.: *Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Fr.a.M.; N.Y.: Campus, 2005. Сборник ключевых текстов по эстетизации: *Ästhetik und Gesellschaft. Grundlagentexte aus Soziologie und Kulturwissenschaften / A. Reckwitz et al.* (Hg.). B.: Suhrkamp, 2015.

Впрочем, одновременно с этой сингуляризирующей тенденцией разворачивается другая — связанная с прогрессирующей рационализацией и стандартизацией нашего мира, осуществляемой на основе все более усложняющихся структур и алгоритмов, с которыми индивид встречается лишь в виде персонифицированных под него интерфейсов. Андреас Реквиц восклицает:

Это ошеломляет: механизмы формальной рациональности перестраиваются во многих отношениях таким образом, что они, находясь „на заднем плане“, принимают форму всеобщей *инфраструктуры* для систематического совершенствования своеобразного²³.

С нарастающей скоростью мы встраиваем свою жизнь в огромное многообразие платформ, универсальные схемы и алгоритмы которых нацелены на создание для индивида персонифицированного интерфейса. Потоки данных, которыми они оперируют, давно скрыты от глаз и понимания большинства людей, и массовая утрата такого понимания компенсируется среди прочего ширящейся лихорадкой теорий заговора. Ускользающая от индивида новая форма инфраструктурных и институциональных процессов, протекающих «на заднем плане» современности, ведет к выходу «на передний план» *новой естественности* — будь то в форме природных климатических процессов, бума «новых общностей», идентифицирующих себя через «аутентичные» моральные, религиозные и т. п. ценности²⁴, гендерных, поколенческих или, как мы видим в 2020 году, расовых групп.

Ввиду этих тенденций мы и хотим здесь сформулировать несколько тезисов об институциональном подходе²⁵. Безусловно, он

23. Reckwitz A. Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne. В.: Suhrkamp, 2017. S. 19.

24. О «культур-эссенциализме», который мы как раз и считаем проявлением этой новой наивной естественности, применительно к «новым общностям» см. также любопытный анализ Андреаса Реквица (Reckwitz A. Die Gesellschaft der Singularitäten. S. 394 ff).

25. Заслуга введения институционального подхода в российские исследования по истории философии принадлежит Юрию Шичалину, сформулировавшему ряд его базовых принципов в своем исследовании античного платонизма (Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 318–323). Это не удивительно, учитывая то, что все основные жизнеспособные инновации как в историографии в целом, так и в истории философии в частности исходят в современной науке из области классической филологии. О том, как «современные отцы античности» заложили основы современ-

не может претендовать на то, чтобы быть ответом на саму ситуацию, порождающую новую наивность и новую материальность, которые массовым образом определяются самим современным положением индивида (как бессмысленно ожидать, что возможен какой-то рациональный ответ на популярность теорий заговора). В скромном ракурсе нашего тематического номера речь и вовсе идет о совсем узком сегменте изучения истории философии. Однако в узком сегменте исследований истории и современности анализ институтов является хорошим средством против дезориентации в потоке фрагментирующихся сингулярностей, имеющих как теоретическое и методологическое измерение исследовательских программ, так и объектное измерение исследуемых предметностей.

Институциональный подход является развитием современной традиции историографии и не претендует на неслыханную новизну. Он может быть обоснованно возведен к проекту «филологии вещей» Августа Бёка — ключевой фигуры для формирования современного антиковедения, или науки о классической древности, — той самой *Altertumswissenschaft*, к которой в конце своей статьи обращается и Юрий Шичалин. Образцовая работа Бёка по истории античной культуры — «Государственное хозяйство Афин»²⁶ — посвящена всем аспектам афинской жизни, включая ее институциональные особенности, такие как организация сельского хозяйства и торговли, праздников и полиции и т. д. Именно ученик Бёка, Иоганн Густав Дройзен, развил из этого проекта истории культуры полноценную историю и теорию институтов²⁷. Наш анализ теории Дройзена показывает, что современная институциональная теория возникает в ходе слияния герменевтического историзма и философии объективного духа Гегеля (сходная операция позднее будет произведена также Вильгельмом Дильтейем), то есть является парадоксальным объединением двух традиций, которые обычно противопоставляются друг другу.

Институциональный подход стимулирует нас выходить за рамки воспроизводящихся интеллектуальных канонов и перечней

ной «большой науки», см., в частности: Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts / A. M. Baertschi, C. G. King (Hg.). Transformationen der Antike. Bd. 3. В.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.

26. Böckh A. Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. В.: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866. Работа впервые опубликована в 1817 году.

27. См. нашу статью о Дройзене в настоящем номере «Логоса», где также затрагивается проблематика «филологии вещей» Бёка.

имен, которые часто являются результатом случайных и партийных констелляций предшествующей историографии. Обращение к истории институтов и институционализированных форм коммуникации корректирует наши иерархии значимости персон и событий, устанавливает релевантное историческому контексту положение мыслителей прошлого (как это сделано в исследовании Максима Дёмина и Алексея Куприянова) или позволяет нам иначе взглянуть на хронологию их работ (что показывает Юрий Шичалин на примере диалога Платона «Ион»).

Институциональная рамка анализа нацелена на выявление устойчивых и сравнительно долговременных форм упорядочивания социальных действий, форм и типов коммуникации. В современной ситуации нарастания скорости изменений история институтов также хорошее напоминание о том, что именно мы теряем в мире ускоряющейся институциональной и организационной динамики. Ориентация на выявление устойчивых форм позволяет избежать маргинализации исследовательского интереса к явлениям, представляющим собой скорее исключение, чем общее место или правило. Если мы посмотрим, например, на состояние современных исследований советской культуры, то увидим, что они ориентированы на описание скорее частных случаев, чем значимых массовых явлений²⁸. Исследования институтов и организаций могут нивелировать подобный эпистемологический дисбаланс.

Все институциональные и организационные формы существования европейской философии, а также современной науки и образования порождены определенными комплексами теорий. В рамках таких учреждающих организационных событий «знания», действительно, «конституируют социальные отношения»²⁹. Однако вне зависимости от того, насколько новые институциональные и организационные формы соответствуют первоначаль-

28. Например, в характеристике состояния исследований советской культурной политики после Второй мировой войны Эгле Риндзевичуте отмечает, что существует «огромная лакуна опубликованных исследований о государственной культурной политике» в этот период, а также что «исследования советской культуры были скорее элитистскими и ориентированными на индивидов, фокусируясь на вопросах того, как советский режим обращался с художниками (преимущественно с наиболее известными) и контролировал стили в искусстве» (*Rindzevičiūtė E. Constructing Soviet Cultural Policy: Cybernetics and Governance in Lithuania*. Linköping: Linköping University Press, 2008. P. 29–30).

29. *Кнорр-Цетина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // *Социология вещей* / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 278.

ному замыслу, они сами затем оказывают влияние на содержание того знания, которое в них производится и транслируется: сначала идеи порождают институты, а затем институты определяют производство и воспроизводство идей. В силу этого возникает определенный тип корреляции между эпистемологическим содержанием знания и институционализированной формой его организации. Этот принцип корреляции был зафиксирован уже Максом Шелером в момент рождения современной социологии знания. Существует, констатирует Шелер, «связь содержания знания... с самими организационными *формами*». Например, поясняет он далее, «содержание учения Платона об идеях в значительной мере требует формы и организации платоновской Академии»³⁰. Тем самым в рамках институционального подхода задается перспектива решения «трудной проблемы» социологии знания. Сформулируем ее в следующем виде: каким образом в принципе могут взаимодействовать между собой эпистемологические элементы знания и социальные факторы? Институциональный подход разрешает эту проблему, раскрывая эпистемологическое происхождение самой организационной формы (как это делает Иван Курилович в своем исследовании влияния Виктора Кузена на образовательные институты во Франции). Там, где теория обращается к институтам, она обнаруживает способность не только объяснять (интерпретировать) мир, но и изменять его. И даже если теоретическая рефлексия институтов не имеет практических последствий (как в случае критики Гоббса в адрес университетов, которую в своей статье эксплицирует Тимофей Дмитриев), она вносит существенное уточнение в наше понимание базовых идей того или иного мыслителя.

Современный институциональный подход выработал хорошие инструменты для понимания механизмов взаимодействия институтов различного масштаба (различая, например, организацию и ту институциональную среду, по отношению к которой она может вести себя разным образом³¹). Внимание к институтам и организациям позволяет нам также фиксировать различие между

30. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. С. 26.

31. См.: Мейер Д., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. № 1. С. 44–67. О современном состоянии организационного институционализма, у истоков которого стоит эта статья Мейера и Роуэна, см., в частности: The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism / R. Greenwood et al. (eds). 2nd ed. L.A.: SAGE Publications, 2017.

практиками и речевым поведением (с которым в основном имеют делоистики философии), используя дистрикцию, сформулированную Людвигом Витгенштейном в виде противопоставления «практики» и «интерпретации»: «...„следование правилу“ — некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу»³². Как, например, показывает анализ тех практик, на которых основывался *Collegium Philosophicum* Иоахима Риттера в Мюнстере, они не вполне соответствуют тому, что можно называть философской «школой», — даже если к такому самоименованию затем оказываются склонны и некоторые из участников этого философского семинара (как описано в статье Марка Шведы).

Наконец, институциональный подход является хорошим средством против современной торжествующей наивности, ведущей, помимо прочего, к возрождению различных метафизик и спекулятивных теорий, навсегда, казалось бы, оставленных в прошлом, в том числе и по причине их жестких унитарных притязаний на монопольное право определять устройство мира. Наше видение и понимание мира опосредовано как сознанием и языком, так и институтами, которых мы не видим и не замечаем. Здесь, пожалуй, стоит напомнить известные слова Германа Когена: «Звезды даны не на небе, а в науке астрономии... чувственность заключена не в глазе, а в *raison de l'astronomie*»³³. В отличие от ригористичного неокантианца мы, впрочем, признаём, что звезды сегодня даны не только в книгах по астрономии, но и посредством таких институтов, как, например, живопись, которая должна была изобрести свои способы данности звездного неба, в мобильных приложениях, пришедших на смену старым астрономическим календарям, в современной массовой индустрии любительских телескопов и устройств для ночной фотосъемки и т. д. Если мы можем понять культурно и институционально опосредованный характер данности звезд, то тем более у нас не может быть никакой наивности в отношении более доступных нам природных объек-

32. Витгенштейн Л. Философские исследования (202) // Филос. раб. Ч. 1. С. 163.

33. Cohen H. Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte. Ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik (§ 88). В.: Dümmler, 1883. S. 127. Ср. любопытную корреляцию этого тезиса Когена с одним из базовых принципов институционального подхода в формулировке Шичалина: «Любая последовательность любых философских идей не образует истории, если не соотносится с теми институтами, при посредстве которых обретает историческое бытие» (Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. С. 319).

тов. Природа, как напоминают нам современные теоретики антропосоциологии, очень давно и чрезвычайно глубоко подвержена влиянию человека. Ландшафты, которыми мы научились любоваться, особо охраняемые природные территории, площадь которых продолжает неумолимо расти, сама, наконец, идея природы, которая является предметом нашей заботы и охраны, — все это результат сложной эволюции наших институтов. Не существует никаких предметов, ассамбляжей и онтологий помимо тех, которые артикулированы людьми, руководствовавшимися разными теориями и практическими задачами. Однако долгосрочную значимость эти различные устремления приобретают лишь в форме институционализации. Современные культуральные исследования «природных» объектов показывают, что мы чрезвычайно недооцениваем глубину исторического проникновения человека в их жизнь. После таких работ, как «История леса» Хансйорга Кюстера, те представления о лесе, который мы встречаем на страницах работ известных философов, таких как Мартин Хайдеггер, могут лишь вызывать улыбку своей натурализующей наивностью³⁴. Не только звезды Когена, но любой природный объект является в современном мире необратимо культурно и исторически опосредованным.

Нарастающая либерализация наших представлений о системах знания, которые продолжают открывать и описывать современные историки науки и антропологи, возникает в пределах определенных институтов знания, имеющих исторически определенный генезис и происхождение. Находясь в пределах этих институтов, современный антрополог может утверждать, например, следующее:

Если представить себе историка науки, глядящего на вещи с точки зрения племени хиваро или из Китая, то и Аристотель, и Декарт, и Ньютон окажутся вовсе не теми, кто вскрыл тайны объ-

34. Комментируя ошибочность наших представлений о влиянии человека на природу, Кюстер формулирует, в частности, следующие тезисы: «Во-первых, оказывается, что воздействие человека на окружающую среду, даже лес, продолжается гораздо дольше, чем принято думать, а именно примерно семь тысяч лет. Во-вторых, и это, наверное, много важнее, становится понятно, что человек легко может разрушить истинную природу, но никогда не сможет ее восстановить. Любая точка ландшафта несет на себе отпечаток не только тех условий, которые определяют ее облик сейчас, но и всего того, что происходило на ней ранее. Можно сказать, что ландшафт обладает своеобразной „памятью“ о минувших событиях и о том, что привнесла в него человеческая культура» (*Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии*. М.: ИД ВШЭ, 2018. С. 99).

ективного существования нечеловеческих существ и законы, управляющие ими. Они предстанут некими строителями оригинальной и экзотической теории, готовыми представить на суд большей части человечества свою собственную систему иерархических и систематических взаимоотношений в мире³⁵.

Однако наш антрополог, пожалуй, забывает, что сама сцена «суда большей части человечества», куда сегодня могут одновременно явиться Аристотель, Декарт и Ньютон, оказалась возможной только благодаря тому, что в рамках определенной — европейской — культуры возникла идея знакомства с другими культурами. И здесь нам надо вспомнить не математика и физика Декарта, а Декарта-антрополога. Здесь я берусь утверждать, что именно его мы можем считать основоположником современной культурной антропологии. Цель, которой руководствовался в таком качестве Декарт, состояла в том, чтобы освободиться от мнений, навязанных ему собственной исторической традицией и обычаями. Для этого он прибегнул к практике, состоящей в том, чтобы

... путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться с людьми разных нравов и положений и собрать разнообразный опыт, испытать себя во встречах, которые пошлет судьба, и всюду размышлять над встречающимися предметами так, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из таких занятий³⁶.

Методически практикуя на протяжении нескольких лет этот культурно-антропологический способ критики своих убеждений, он пришел к следующему выводу:

Самая большая польза, полученная мною, состояла в том, что я научился не особенно верить тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов. Так я мало-помалу освободился от многих ошибок, которые могут заслонить естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума³⁷.

35. *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. С. 89.

36. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 255.

37. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. С. 255.

Возможно, наше понятие о «голосе разума» сегодня отличается от присущего Картезию. Но совершенно точно представление, сложившееся у цитированного выше Филиппа Дескола, вытекает из духа открытости миру и стремления познакомиться с неизвестным, которым руководствовался в своих странствиях Декарт, развивший критический взгляд на усвоенные им некогда привычки и обычаи. Кстати, как свидетельствуют его «правила временной морали», делал он это вовсе не для того, чтобы их немедленно отбросить³⁸.

Немного позднее этот культурно-антропологический способ критики собственных привычных взглядов на мир был дополнен идеей путешествия не только в пространстве, но и во времени, то есть идеей исторического исследования. В ней заложена все та же мысль об освобождении от некритической натурализации нас самих: человек ни в какой своей ипостаси не является «данностью», но есть результат стечения множества контингентных событий исторического прошлого. Это открытие историографии как эмансипаторной практики принадлежит ее современным основоположникам, о чем ясно свидетельствует высказывание Иоганна Густава Дройзена:

Историческое исследование предполагает размышление о том, что и содержание нашего Я есть многократно передаваемый, ставший историческим результат. <...> Наше знание есть прежде всего воспринятое, полученное по наследству, наше и как будто не наше. Оно есть следующий шаг на пути к свободному самоощущению и свободному распоряжению этим знанием³⁹.

Таким образом, именно историография формирует вторую — наряду с антропологическим методом путешествий — важнейшую практику модерна, связанную с критической рефлексией наших культурных очевидностей и мнимых естественностей, создаваемых нашими институтами. Но осознание их исторической случайности — и здесь Дройзен также невольно следует за Декартом — не означает, что мы можем или должны их отбросить. Историческое расколдовывание нашего положения может стать поводом для того, чтобы, осмысленно приняв это положение, при-

38. О правилах временной морали Декарта см.: *Дмитриев Т.* Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М.: ИФ РАН, 2007.

39. *Дройзен И. Г.* Очерк истории (§ 19) // Он же. *Историка*. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 467.

нять также и свою историческую судьбу⁴⁰. В конце концов, эти же институты позволяют современным теоретически-рафинированным антропологам изучать культуру племени хиваро, ссылаться на Аристотеля, пользуясь результатами работы многих поколений классических филологов по его изданию, а также заниматься историческим исследованием наследия Ньютона. Другие известные нам «системы иерархических и систематических взаимоотношений в мире» не создали для подобных практик необходимых и достаточных институциональных условий.

Библиография

- Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: ИД ВШЭ, 2015.
- Брентано Ф. О будущем философии. Избр. тр. М.: Академический проект, 2018.
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Филос. раб. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1.
- Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУСПб, 2008.
- Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь: Гиле Пресс, 2016.
- Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Громов Р. Антон Марти — философия языка брентановской школы // Логос. 2004. № 1. С. 106–137.
- Громов Р. Брентано и Гуссерль как историки философии // Логос. 2007. № 6. С. 75–97.
- Громов Р. Предисловие к публикации «Интенциональных предметов» Э. Гуссерля // Логос. 2001. № 5–6. С. 132–134.
- Громов Р. Сознание и его части. Мереологическая модель исследования в психологии Ф. Брентано // Логос. 2002. № 1. С. 68–94.
- Громов Р. Философия как объект правового регулирования. Пути профессионализации философского образования в СССР // Логос. 2014. № 2. С. 43–64.
- Гуссерль Э. Интенциональные предметы // Логос. 2001. № 5–6. С. 135–164.
- Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.

40. Формулировка Йозефа Шумпетера является самым простым из известных мне ответов на рассуждения о вредных последствиях релятивизации, которые, например, Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» ставил в вину историзму: «Ясно осознавать относительную обоснованность собственных убеждений и в то же время уметь непоколебимо отстаивать их в случае необходимости — в этом и состоит отличие цивилизованного человека от варвара» (*Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия // Он же. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 638*).

- Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
- Дмитриев Т. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М.: ИФ РАН, 2007.
- Дройзен И. Г. История эллинизма. История Александра Великого. М.; Киров: Академический Проект; Константа, 2011.
- Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23.
- Кимилев Ю., Полякова Н. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: Праксис, 2017.
- Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006.
- Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
- Мейер Д., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. № 1. С. 44–67.
- Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019.
- Платон. Парменид // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
- Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.
- Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010.
- Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: Греко-латинский кабинет, 2000.
- Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия // Он же. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008.
- Ankersmit F. R. *Historiography and Postmodernism* // *History and Theory*. 1989. Vol. 28. № 2.
- Ästhetik und Gesellschaft. Grundlagentexte aus Soziologie und Kulturwissenschaften / A. Reckwitz, S. Prinz, H. Schäfer (Hg.). B.: Suhrkamp, 2015.
- Böckh A. *Die Staatshaushaltung der Athener*. 3. Aufl. B.: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866.
- Cohen H. *Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte*. B.: Dümmler, 1883.
- Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts / A. M. Baertschi, C. G. King (Hg.). Transformationen der Antike. Bd. 3. B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.
- Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne*. B.: Suhrkamp, 2017.

- Reckwitz A. Die Transformation der Kulturtheorien. Zur Entwicklung eines Theorieprogramms. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2000.
- Rindzevičiūtė E. Constructing Soviet Cultural Policy: Cybernetics and Governance in Lithuania. Linköping: Linköping University Press, 2008.
- Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Fr.a.M.; New York: Campus, 2005.
- The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism / R. Greenwood, C. Oliver, T. B. Lawrence, R. E. Meyer (eds). 2nd ed. L.A.: SAGE Publications, 2017.
- Von Ranke L. Idee der Universalhistorie // Von Ranke L. Aus Werk und Nachlass / V. von Dotterweich, W.P. Fuchs (Hg.). München; Wien: R. Oldenbourg, 1975. Bd. IV.

WHY DO WE KEEP COMING BACK TO INSTITUTIONS?

VITALY KURENNOY. Professor, School of Philosophy and Cultural Studies; Head, Laboratory of Cultural Studies, vkurennoj@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: institutional theory; organizational institutionalism; emancipatory function of historiography; new ontologies; new sentimentalism; society of singularities; nature and culture.

The article examines contemporary philosophical and theoretical trends that lead to the dispersion and fragmentation of theories and research methodologies and even of the subject of inquiry. This process is dismantling the basic ontological distinctions that have long determined both the epistemological and the cultural characteristics of European society and science. These theoretical leanings have their own social and cultural roots in the rapidly increasing complexity of modern civilization. That civilization is relinquishing what Max Weber saw as a crucial distinguishing feature of modern society: its ability to comprehend the structure and functioning of the surrounding world. The author finds that one result is the emergence of a “new naivety” in which insurmountable difficulties in attaining rational understanding justify postulation of the ontological independence of actors, objects, etc., as well as the resurgence of various forms of metaphysics.

The importance of an emotional relationship toward the world, which increasingly manifests itself as a universe of singularities, is expanding in step with the loss of a rational horizon for subjectivity in modern society. The historical perspective of the institutional approach has several epistemological advantages for dealing with these tendencies. The institutional approach maintains continuity with the project of modern historiography as such by concentrating on phenomena that have a comparable duration and sustainability and by facilitating examination of problems in the sociology of knowledge, for which a wide range of analytical techniques has been developed in order to analyze the interaction of institutions with different scales (for instance, within the framework of organizational institutionalism) among others. The historical analysis of institutions also has a significant practical value by disabusing us of a naive view of the world (including the natural world) as some kind of natural and unmediated given and by making us aware of the contingency of our historical existence. The institutional approach and modern historiography share a common mission as an emancipatory exercise in self-knowledge.

DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-1-18

References

- Ankersmit F. R. *Historiography and Postmodernism. History and Theory*, 1989, vol. 28, no. 2.
- Ästhetik und Gesellschaft. *Grundlagentexte aus Soziologie und Kulturwissenschaften* (Hg. A. Reckwitz, S. Prinz, H. Schäfer), Berlin, Suhrkamp, 2015.
- Böckh A. *Die Staatshaushaltung der Athener*, 3. Aufl., Berlin, Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866.
- Brentano F. *O budushchem filosofii. Izbr. tr.* [On the Future of Philosophy. Selected Works], Moscow, Akademicheskii proekt, 2018.

- Burke P. *Chto takoe kul'tural'naia istoriia?* [What is Cultural History?], Moscow, HSE, 2015.
- Cohen H. *Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte*. Berlin, Dümmler, 1883.
- Daston L. Istoriia nauki i istoriia znaniia [The History of Science and the History of Knowledge]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2020, vol. 30, no. 1, pp. 63–90.
- Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravliat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh. *Sochineniia: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1989, vol. 1.
- Deskola F. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Par-dela nature et culture], Moscow, New Literary Observer, 2012.
- Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts* (Hg. A. M. Baertschi, C. G. King). Transformationen der Antike, Bd. 3, Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2009.
- Dmitriev T. *Problema metodicheskogo somneniia v filosofii Rene Dekarta* [The Problem of “Methodic Doubt” in the Philosophy of René Descartes], Moscow, IF RAN, 2007.
- Droysen J. G. *Istoriia ellinizma. Istoriia Aleksandra Velikogo* [Hellenistic History. History of Alexander the Great], Moscow, Kirov: Akademicheskii Proekt, Konstanta, 2011.
- Droysen J. G. *Istorika* [Historics], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004.
- Graeber D. *Bredovaia rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda* [Bullshit Jobs. A Theory], Moscow, Ad Marginem Press, 2020.
- Gromov R. Anton Marti — filosofiiazyka brentanovskoi shkoly [Anton Marty — Philosophy of the Language of Brentano School]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2004, no. 1, pp. 106–137.
- Gromov R. Brentano i Gusserl' kak istoriki filosofii [Brentano and Husserl as a Historians of Philosophy]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2007, no. 6, pp. 75–97.
- Gromov R. Filosofii kak ob'ekt pravovogo regulirovaniia. Puti professionalizatsii filosofskogo obrazovaniia v SSSR [Philosophy as an Object of Legal Regulation. Paths of the Professionalisation of Philosophical Education in the USSR]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 2, pp. 43–64.
- Gromov R. Predislovie k publikatsii “Intentsional'nykh predmetov” E. Gusserlia [Introduction to the Publication of “Intentional Objects” of E. Husserl]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2001, no. 5–6, pp. 132–134.
- Gromov R. Soznanie i ego chasti. Mereologicheskaiamodel' issledovaniia v psikhologii F. Brentano [Consciousness and Its Parts. The Mereological Model of Study in the Psychology of F. Brentano]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 1, pp. 68–94.
- Husserl E. Intentsional'nye predmety [Intentional Objects]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Philosophical and Literary Journal], 2001, no. 5–6, pp. 135–164.
- Kant I. Grezy dukhovidtsa, poiasnennye grezami metafiziki [Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik]. *Soch.: V 8 t.* [Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994.

- Kant I. Ideia vseobshchei istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht]. *Soch.:* V 6 t. [Works: In 6 vols], Moscow, Mysl', 1966, vol. 6.
- Kimilev Iu., Poliakova N. *Modern i protsess individualizatsii: istoricheskie sud'by individuala moderna* [Modern and the Process of Individualization: Historical Fates of Modern Individual], Moscow, Praksis, 2017.
- Knorr Cetina K. Sotsial'nost' i ob'ekty. Sotsial'nye otnosheniia v postsotsial'nykh obshchestvakh znaniia [Sociality with Objects. Social Relations in Postsocial Knowledge Societies]. *Sotsiologiya veshchei* [The Sociology of Things] (ed. V. Vakhshstein), Moscow, Territoria budushchego, 2006.
- Küster H. *Istoriia lesa. Vzgljad iz Germanii* [Geschichte des Waldes. Von der Urzeit bis zur Gegenwart], Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoy ekonomiki, 2018.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern. Essay in Symmetrical Anthropology], Saint Petersburg, EUSPb, 2006.
- Meyer J., Rowan B. Institutionalizirovannye organizatsii: formal'naia struktura kak mif i tseremonial [Institutionalised Organisations: Formal Structure as a Myth and a Ceremony]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiya* [Economic Sociology], 2011, no. 1, pp. 44–67.
- Morton T. *Giperob'ekty. Filosofiiia i ekologiiia posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World], Perm, Gile Press, 2019.
- Plato. Parmenid [Parmenides]. *Sobr. soch.:* [V 4 t. Selected Works], Moscow, Mysl', 1993, vol. 2.
- Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne*, Berlin, Suhrkamp, 2017.
- Reckwitz A. *Die Transformation der Kulturtheorien. Zur Entwicklung eines Theorieprogramms*, Weilerswist, Velbrück Wissenschaft, 2000.
- Rindzevičiūtė E. *Constructing Soviet Cultural Policy: Cybernetics and Governance in Lithuania*, Linköping, Linköping University Press, 2008.
- Schaeffer J.-M. *Konets chelovecheskoi iskluchitel'nosti* [La fin de l'exception humaine], Moscow, New Literary Observer, 2010.
- Scheler M. *Problemy sotsiologii znaniia* [Problems in Sociology of Knowledge], Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniĭ, 2011.
- Schulze G. *Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart*. 2. Aufl., Frankfurt am Main, New York: Campus, 2005.
- Schumpeter J. A. Kapitalizm, sotsializm i demokratiia Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie [Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie]. *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia. Kapitalizm, sotsializm i demokratiia* [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy], Moscow, Eksmo, 2008.
- Shichalin Iu. A. *Istoriia antichnogo platonizma v institutsional'nom aspekte* [History of the Ancient Platonism in the Institutional Context], Moscow, Greko-latin-skii kabinet, 2000.
- The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism* (eds R. Greenwood, C. Oliver, T. B. Lawrence, R. E. Meyer), 2nd ed., Los Angeles, SAGE Publications, 2017.
- Volkov V., Kharkhordin O. *Teoriia praktik* [A Theory of Practices], Saint Petersburg, EUSPb, 2008.
- Von Ranke L. Idee der Universalhistorie. Von Ranke L. *Aus Werk und Nachlass* (Hg. V. von Dotterweich, W. P. Fuchs). München, Wien, R. Oldenbourg, 1975. Bd. IV.

- Weber M. Nauka kak prizvanie i professiia [Wissenschaft als Beruf]. *Izbr. proizv.* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990.
- Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniia [Philosophischen Untersuchungen]. *Filos. rab. Ch. 1* [Philosophical Works. Pt. 1], Moscow, Gnozis, 1994.
- Wittgenstein L. Logiko-filosofskii traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. *Filos. rab. Ch. 1* [Philosophical Works. Pt. 1], Moscow, Gnozis, 1994.
- Woodard B. *Dinamika slizi. Zarozhdenie, mutatsiia i polzuchest' zhizni* [Slime Dynamics. Generation, Mutation, and the Creep of Life], Perm, Gile Press, 2016.